Бахтину, зеркало олицетворяет самопознание. В указанном отрывке представлена диалектика сознания и подсознания лирического героя. Образ двойничества символизирует духовный мир, в котором герой пытается разглядеть себя в себе самом. Но не только человек с его сложной духовной организацией самоотражательной способностью. По Нарбуту, в природе тоже все зеркально: *...Вода, как зеркало, пуста, / И опрокинулась в ней синей / Бездонной бездной высота...* [4, с. 30]. Образ автора наблюдает отражённый в воде пейзаж. Эту раздвоенность он ощущает и в себе, и в этом контексте снова проявляется мотив самопознания: *...Стоишь и видишь раздвоенность / И обнажённость всю, до дна. / В тебе – дух ясности и сонность: / Душа дождём раздвоена!* [4, с. 22].

На основе анализа художественного конструирования образа (отсутствие чётких границ между идеальным и реальным, позитивным и негативным, зависимость конкретной оценки объекта от сиюминутного впечатления, сочленение колористической и сенсуальной характеристик предмета) можно говорить о преобладании импрессионистских тенденций в ранней натурфилософской лирике исследуемого автора. Кроме того, идея В. Нарбута об отражательной способности психо-физиологического устройства человека коррелирует с живописной тенденцией: импрессионистский визуальный опыт поэта, использующий физические законы оптики для создания художественных эффектов, вполне переложим и на литературный опыт творца.

Список литературы

1. Двинятина Т. М. «Осенняя поэма», «Листопад» и эстетика И. А. Бунина 1900–1920-х годов // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 53–60.
2. Захарова В. Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века : монография / отв. ред. Т. В. Захарова. – Н. Новгород : НГПУ, 2012. – 230 с.
3. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии : анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман, М. Л. Гаспаров. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – 846 с.
4. Нарбут В. И. Стихотворения / Вст. ст., сост. и прим. Н. Бялосинской и Н. Панченко. – М. : Современник, 1990. – 445 с.
5. Нартыев Н. Н. Природный мир в поэзии В. Нарбута // Природа и человек в русской литературе : материалы Всероссийской научной конференции. – Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2000. – 227 с.

References

1. Dvinyatina T. M. «Osennaya poema», «Listopad» i estetika I. A. Bunina 1900–1920-h godov // Sibirskij filologicheskij zhurnal, 2014, № 2, pp. 53 – 60.
2. Zaharova V. T. Impressionizm v russkoj proze Serebryanogo veka. N. Novgorod : NGPU, 2012. 230 p.
3. Lotman Y. U. M. O poetah i poezii : analiz poeticheskogo teksta. SPb. : Iskusstvo-SPb, 1996. 846 p.
4. Narbut V. I. Stihotvoreniya. M. : Sovremennik, 1990. 445 p.
5. Nartyev N. N. Prirodnyj mir v poezii V. Narbuta. Priroda i chelovek v russkoj literature. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2000. 227 p.

doi 10.21672/1818-4936-2021-77-1-139-143

ПРОСТРАНСТВО ОРИЕНТАЛЬНОЙ ЭКЗОТИКИ В СТИХОТВОРЕНИИ МИРРЫ ЛОХВИЦКОЙ «ГИМН ВОЗЛЮБЛЕННОМУ»

Дьяченко Татьяна Анатольевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, ул. Татищева, 20а, dyachenko_tatiana@mail.ru

В статье рассматривается развитие ориентального сюжета в стихотворении Мирры Лохвицкой «Гимн возлюбленному». Данное произведение представляет собой пример утончённой лирики поэтессы. Особое внимание уделяется центральному образу стихотворения – Вечно-мужественному «черноокому принцу», красавцу с восточными глазами, который обладает дуалистической природой: он одновременно реален и ирреален. Образы далекой восточной страны, мистицизм, использование мотива неги и томления позволяют заключить чувственный мир переживаний поэтессы в пространство ориентальной экзотики.

Ключевые слова: гимн, ориентальная экзотика, образ возлюбленного, ориентальное пространство, Вечно-мужественный, лирическая героиня

THE SPACE OF ORIENTAL EXOTIC IN THE POEM
BY LOKHVITSKAYA «GIMN VOZLYUBLENNOMU»

Dyachenko Tatyana A., postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, 20a Tatishchev st., dyachenko_tatiana@mail.ru

The article discusses the development of the oriental plot in the poem by Lokhvitskaya «Gimn vozlyublennomu». The poem is a sample of the sophisticated lyrics of the poetess. Much attention is given to the central image of the poem – the eternally courageous «black-eyed prince» who is both real and surreal. Images of a distant eastern country, mysticism, the use of the motif of bliss make it possible to put the sensual world of the poetess's experiences in a space of oriental exoticism.

Keywords: hymn, oriental exoticism, image of the beloved, oriental space, the eternally courageous, lyrical heroine

Религиозно-мистическое мироощущение Мирры Лохвицкой обуславливает важнейшую жанровую особенность ее творчества: несомненное сходство значительного числа лирических стихотворений поэтессы с существующими образцами гимнографии – от античных гимнов богам до православных литургических песнопений, однако наиболее специфичную часть ее наследия составляют произведения, которые она сама называет «гимнами» [2, с. 156]. Таким, например, является «Гимн возлюбленному» (1896):

Пальмы листьями перистыми
Чуть колеблют в вышине;
Этот вечер снами чистыми
Опьяняет душу мне.

За горами темно-синими
Гаснет радужный закат;
Ветер, веющий пустынями,
Льет миндальный аромат.

Грозный там, в стране загубленной,
Он притих на склоне дня...
Мой желанный, мой возлюбленный,
Где ты? Слышишь ли меня?

Помня клятвы незабытые –
Быть твоею иль ничьей,
Я спешу к тебе, залитая
Блеском розовых лучей.

Тороплюсь сорвать запястия,
Ожерелья отстегнуть...
Неизведанного счастья
Жаждет трепетная грудь, –

Сбросить бремя жизни
тягостной,
Прах тернистого пути.
О мой светлый,
о мой радостный,
Утомленную впусти!

Я войду в чертог сияющий,
Где, на ложе мирт и роз,
Ты покоишься, внимающий
Лепетанью райских грез.

Выну масти благовонные,
Умашу твою главу,
Поцелую очи сонные,
Грезы райские прерву.

Я войду в твой храм
таинственный,
Ласки брачные готовь.
Мой прекрасный,
мой единственный,
Утоли мою любовь!

Стихотворение начинается с пространственно-временной характеристики: эпитеты *перистые листья пальм, темно-синие горы, ветер, веющий пустынями* создают условный образ далекой восточной страны, *угасающий радужный закат* – образ художественного времени.

Героиня лирических произведений Лохвицкой (как и сама поэтесса) мечтает о дальних странах и о «принце с восточными глазами», который становится её богом и вдохновителем, а пространство ориентальной экзотики представляется миром гармонии, ароматов и красок, в котором доступно все невозможное в реальной жизни [1, с. 36].

Пестроту Востока передают создаваемые в первых двух четверостишиях колоритивы: зелёный (листья пальм), синий (горы), алый / многоцветный (радужный закат), жёлтый (пустыня). *Описание* экзотического пространства достигает своей полноты за счёт конкретного одорологического образа – маркера ориенталистики – *миндального аромата*.

В третьем катрене появляется возлюбленный лирической героини, тот самый «черноокий красавец», чей ирреальный образ проходит через всё творчество Лохвицкой. Он – какой-то неведомый бог, которого поэтесса называет «мой желанный, мой возлюбленный», «мой светлый, мой радостный», «мой прекрасный, мой единственный». Эти номинации лексическим повтором охватывают поэтический текст «Гимна», способствуя эмоциональному нагнетанию и усиливая лирическое переживание.

Для Лохвицкой этот «восточный принц» – воплощение и синтез того Вечно-мужественного, что так влекло к себе бурно волновавшееся в ней Вечно-женственное. В. Голиков подчёркивает дуалистическую природу ирреального образа черноокого принца, говоря что «Он – Никто, он – Кто-то; единственный и множественный» [3, с. 772].

В рассматриваемом стихотворении детали описания возлюбленного лирической героини отсутствуют, лишь контаминированный с ним антропоморфный образ ветра, антитетические характеристики которого – *грозный* и вместе с тем *притихший на склоне дня* – указывает на двойственность природы. Подобный дуализм соответствует общей системе символизма.

Творчеству Лохвицкой свойственна общая романтическая направленность [2, с. 87], что заставляет её обращаться к характерным для романтизма мотивам, в частности к эстетике «двух реальностей».

Идея двоемирия в данном стихотворении выражается эпитетом *загубленная страна*, а образ *темно-синих гор* приобретает лиминальный характер и выступает в качестве границы между мирами: гармоничным ирреальным Востоком и реальной жизнью, не имеющей смысла без счастья и близости к возлюбленному.

Развитие подобных эстетических представлений и привело к новому этапу в лирике поэтессы – к периоду новых философских и эстетических поисков. По словам Е. Поселянина, среди поэтов нового поколения крупнейшей фигурой была Лохвицкая. С его точки зрения, поэтесса «обладала одним из отличительных признаков истинного дарования – чрезвычайно понятностью содержания и определённой формой» [7]. Писатель замечает: «Она была одна из первых женщин, так же откровенно говоривших о любви с женской точки зрения, как раньше говорили о ней, со своей стороны, только поэты. Но как ни смотреть на эту непосредственность ее поэтической исповеди, в ней была великая искренность, которая и создала её успех, вместе со звучною, блестящею, чрезвычайно отвечавшею настроению данного стихотворения, формой» [7].

В четвёртом катрене парафраза *быть твоею иль ничьей* отсылает к другому стихотворению Лохвицкой – «Эти рифмы – твои иль ничьи» (1896) – с которого начался её «литературный роман» с Бальмонтом: «Я б хотела быть рифмой твоей, / Быть, как рифма, – твоей иль ничьей» [5, с. 184]. Таким образом, можно предположить, что существует вторая ипостась образа возлюбленного лирической героини: это уже не черноокий восточный красавец; его портретные признаки – «кудри цвета спелой ржи» и глаза «зеленовато-синие, как море» [1, с. 36].

В четвёртом и пятом катренах художественное время убыстряется. Лексемы *тороплюсь, спешу, жаждет* ускоряют модальность поэтического текста. Эпитеты *блеск розовых лучей, неизведанное счастье*, поэтизируют образ главной героини; эпитет *трепетная грудь* передает ее эмоциональное состояние. Ориентализма добавляют элементы роскоши – *запястья* ('браслеты') и *ожерелья* («*Тороплюсь сорвать запястья, / Ожерелья отстегнуть...*»): большое количество украшений – известная отличительная черта восточных красавиц.

«Гимн возлюбленному» пронизан мистическим мироощущением поэтессы, отсюда – характерный для её лирики мотив сна, который намечается ещё в первом катрене («*Этот вечер снами чистыми / Опьяняет душу мне*»), а далее, в шестом, преобразовывается в мотив сна-смерти («*Тороплюсь <...> / Сбросить бремя жизни тягостной, / Прах тернистого пути*»). Поэзия мистического чувства близка Лохвицкой, она развивает теорию «любви за гробом», обращаясь к мифологической дихотомии Эроса и Танатоса – единства Любви и Смерти. Синтез этих двух начал – в основе мифологемы миротворчества: «сила Эроса превращает "смерть" в новую "жизнь", стремясь к целостности Бытия» [8, с. 211]. У Лохвицкой семантическое ядро мифологемы обростаёт дополнительным значением – 'вечная, всесильная любовь'. Поэтесса

использует эпитеты *райские грезы, очи сонные*, лексему *покоиться* ('неподвижно лежать (обычно об умерших') (устар.) [6, с. 550]) для создания образа сновидения-смерти, в котором доступно всё невозможное в жизни, в том числе близость к возлюбленному.

Здесь же вводится мотив неги и томления, свойственный ориентальной поэзии («*Неизведанного счастья / Жаждет трепетная грудь, – / <...> О мой светлый, о мой радостный, / Утомленную впусти!*»), позволяющий поэтессе откровенно выразить интимные переживания.

Начиная с седьмого катрена художественное пространство изменяется: из широкого и открытого локуса восточной страны с пальмами, горами, ветром пустынь и миндальным ароматом оно переходит в узкий и замкнутый локус *сияющего чертога и таинственного храма*.

Поэтесса возводит в ранг божества ирреальный образ возлюбленного, поэтому его локация – храм. Подобное наблюдаем в других лирических произведениях Лохвицкой, например, в цикле «В лучах восточных звезд» (1898–1899): «О божество мое с восточными очами, / Мой деспот, мой палач, взгляни, как я слаба! / Ты видишь – я горжусь позорными цепями, / Безвольная и жалкая раба» [5, с. 224].

Образ *ложа мирт и роз*, на котором «покоится» возлюбленный, имеет символическое значение (в творчестве поэтессы многие художественные элементы обладают свойством распространяться до символов [4, с. 98]). Роза, распространённая в ориентальной поэтике, является знаком бессмертной красоты, а мирт в свою очередь – возобновленной жизни. Таким образом, фитонимы своей семантикой поддерживают обозначенную в стихотворении теорию «любви за гробом».

В восьмом катрене фразу «*Поцелую очи сонные / Грезы райские прерву*» можно расценивать как проявление сказочного мотива воскрешения любовью (поцелуем). Однако в контексте данного лирического произведения этот сакральный ритуал приводит не к возвращению к реальной жизни, а к воссоединению влюбленных в смерти. Одорологический образ *масти благовонные* усиливает мистицизм.

В финальном катрене эпитет *ласки брачные* отсылает к тексту эталона языка любовной поэзии – «Песне Песней Соломона». Лохвицкой создается образ сакрального брачного союза между мужчиной и женщиной: «*Я войду в твой храм таинственный, / Ласки брачные готовь*». Четверостишие сохраняет любовный пафос библейского текста, а также мотив сладострастной любви, которая сильнее смерти: «*Мой прекрасный, мой единственный, / Утоли мою любовь!*» Императивные глагольные формы отражают импульс лирического переживания и поддерживают эмоциональный тон ощущений героини от любовного томления.

Стихотворение «Гимн возлюбленному» – пример утончённой лирики М. Лохвицкой, сюжет которого поэтесса заключает в пространство ориентальной экзотики. Образы далёкой восточной страны и Вечно-мужественного черноокого принца, а также мистицизм, мотивы неги и томления, сна-смерти, теория «любви за гробом» позволяют поэтессе создать ирреальный мир, в котором она свободно выражает свои интимные переживания от романа с Бальмонтом.

Список литературы

1. Александрова Т. Л. Жизнь и поэзия Мирры Лохвицкой / Т. Л. Александрова // Лохвицкая Мирра. Путь к неведомой отчизне. – М. : Вече, 2003. – С. 5–87.
2. Александрова Т. Л. Художественный мир М. Лохвицкой : дис. ... канд. филол. наук / Т. Л. Александрова. – М., 2004. – 256 с.
3. Голиков В. Наши поэтессы / В. Голиков // Неделея. – 1912. – № 5. – С. 771–773.
4. Завьялова Е. Е. Жанровые модификации в русской лирике 1880–1890-х годов : монография / Е. Е. Завьялова. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2006. – 350 с.
5. Лохвицкая М. А. Путь к неведомой отчизне / М. А. Лохвицкая. – М. : Вече, 2003. – 400 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
7. Поселянин Е. Отзвеневшие струны / Е. Поселянин // Московские ведомости. – 1905. – № 253 (15 сентября). – Режим доступа: <http://www.mirrelia.ru/obituary/?l=obituary-4>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Шутова Т. Д. Единство Эроса и Танатоса как мифологема миротворчества / Т. Д. Шутова // Творчество и культура : мат-лы науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1997. – С. 211–213.

References

1. Aleksandrova T. L. Zhizn' i poeziya Mirry Lokhvitskoy // Lokhvitskaya Mirra. Put' k nevedomoy otchizne. M., Veche, 2003, pp. 5–87.
2. Aleksandrova T. L. Khudozhestvennyy mir M. Lokhvitskoy. M., 2004. 256.
3. Golikov V. Nashi poetessy // Nedelya, 1912, № 5, pp. 771–773.
4. Zav'yalova Ye. Ye. Zhanrovyye modifikatsii v russkoy lirike 1880–1890 godov. Astrakhan: Publishing House «Astrakhan University», 2006. 350 p.
5. Lokhvitskaya M. A. Put' k nevedomoy otchizne. M., Veche, 2003. 400 p.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M., «ITI Tekhnologii», 2008. 944 p.
7. Poselyanin Ye. Otvzvenevshiye struny. Available at: <http://www.mirrelia.ru/obituary/?l=obituary-4>.
8. Shutova T. D. Yedinstvo Erosa i Tanatosa kak mifologema mirotvorchestva // Tvorchestvo i kul'tura: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ekaterinburg, 1997, pp. 211–213.

doi 10.21672/1818-4936-2021-77-1-143-149

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА ВОЛАНДА
В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
И ИСЛАМСКОГО ГНОСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОНЯТИЮ «ДЬЯВОЛ»**

Карими-Моттахар Джанолах, профессор, Тегеранский университет, председатель Иранской ассоциации русского языка и литературы, 1417466191, Тегеран, Иран, 16-я улица Азар, площадь Энгелаб.

Аштиджу Арезу, магистрант, Тегеранский университет, 1417466191, Тегеран, Иран, 16-я улица Азар, площадь Энгелаб.

Казиева Альмира Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, 357500, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

Проблема зла и дьявола как представителя зла издавна существовала в религии и культуре разных народов.

В настоящей статье предпринята попытка выяснить сходства по этой проблеме в романе «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова (1891–1940) и в подходе некоторых исламских суфиев, таких как Мансур аль-Халладж (858–922) и Айн ал-Кузат Хамадани (1098–1131) и т.д. Что общего в образе дьявола на страницах романа русского писателя XX века, выходца из православной среды, и в текстах средневековых исламских мистиков?

Общим у представителей этих разных культур и эпох является стремление осмыслить проблему существования зла в мире и его воплощения в образе дьявола. Сходство и в том, что проблема зла и его носителя Булгаковым и суфиями ставится как в чисто религиозном контексте, так и в философском, гностическом. И в Исламе, и в Христианстве дьявол («сатана», «шайтан») – главный противник небесных сил, представляющий собой высшее олицетворение зла и толкающий человека на путь духовной гибели. Помимо религиозного контекста, дьявол рассматривается как результат гностического и мистического подхода у разных мыслителей в форме художественного образа.

Ключевые слова: сатана, Воланд, ирано-исламский суфизм, гностицизм, Булгаков, «Мастер и Маргарита»

**COMPARATIVE STUDY OF THE IMAGE OF WOLAND IN THE NOVEL
“THE MASTER AND MARGARITA” BY M. BULGAKOV AND THE ISLAMIC Gnostic
APPROACH TO THE CONCEPT OF “DEVIL”**

Karimi-Motahhar Janolah, Professor, Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran, 1417466191, 16th Azar St., Enghelab Sq., Tehran, Iran.

Arezo Ashtijoo, M. A. Student, University of Tehran, 1417466191, 16th Azar St., Enghelab Sq., Tehran, Iran.

Kazieva Almira M., Doctor of Philological Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, 357500, Russia, Pyatigorsk, pr. Kalinina, 9.